

СТРАНА ПОЭЗИЯ

*Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России, автор двух книг стихов: «Лира Орфея» и «Сатурн». Доктор исторических наук. Живёт в Ульяновске.*

## ХОЛОДНЫЕ ПЕСНИ ЗИМЫ

### АДАМ

Давать имена и названья.  
Идти всё куда-то вдаль,  
Ни встречи не знать, ни прощанья,  
Что дорого и что жаль.

Всё ново и всё впервые,  
И смысла ещё не найти.  
Ни грешные, ни святые  
Поступки его и пути.

И не человек ещё, значит –  
Растение на ногах.  
Душа не ликует, не плачет,  
Не знает ни радость, ни страх.

А вот и навстречу Ева,  
Стать человеком пора.  
Предлагает плод ему с древа  
Познания зла и добра.

Меняется всё и сразу,  
И мир-то, вон он какой!  
Тяжело, хоть ещё он ни разу  
Не шёл за сохой и с клюкой.

А за пределами рая  
То холодно, то жара.  
Вот Каин глядит, подрастая,  
В лезвие топора.

Узнал, каково оно – это  
Быть человеком, Адам?  
Не дал бы ещё ты совета  
Потомкам твоим, то есть нам?

\*\*

Мы плыли на каменной лодке.  
Должны б утонуть, а вот нет.  
Казалось, что путь был короткий,  
Казалось, лишь тысяча лет.

Казалось, что песни звучали,  
Вселенная пела нам их,  
И мы их тогда подпевали,  
Когда ещё были в живых.

А в песне всего лишь три слова,  
Но снова и снова они,  
Как будто бы мира основа  
Всё пелись все ночи и дни.

Мы видели за поворотом  
(Как будто открылось окно)  
Другое совсем, только что там –  
Понять было нам не дано.

Пространства и времени дети,  
Мы глупы и слепы, мы те,  
Кто пойман в их прочные сети,  
Как точка на чистом листе:

Нет линий, чтоб сдвинуться ей бы...  
И вот мы плывём всё вперёд:  
К горящей луне на ущербе,  
Чей свет нас, казалось, зовёт.

Мы верили, там мы узнаем,  
Где дверь, что сокрыта от нас,  
И есть ли там что-то за краем,  
И есть ли тот край. Вот сейчас...

\*\*

Он вышел с берданкой навстречу заре,  
Но сам был подстрелен, увы.  
И рухнул, не вскрикнув, как зверь, в ноябре  
Средь жухлой и мёрзлой травы.

Был короток день, и открылась луна,  
И ликом всем полным своим  
Валявшийся труп осветила она –  
Ненужный урок им, двоим.

А дальше, а дальше, а там, за Луной,  
Блестели цветные глаза,  
А там, за глазами, был мир неземной,  
Неслышные нам голоса.

И так далеко, и до края темно,  
А края никто не сыскал,  
Как будто бы вечное веретено,  
И нет ни концов, ни начал.

А если не я, ну пусть кто-то другой  
Глядит на всё со стороны.  
То, что же он видит, огромный такой,  
Жилец непонятной страны?

Я, может быть, знаю, а может, и нет,  
А может быть, я и не я.  
Вот это – охотник. Луна. Лунный свет.  
Вот звёзды. А это – Земля.

\* \*

Все запевали песню дружно,  
Хоть можно было и не петь.  
Хотя... Наверно, всё же нужно,  
И неумело, и натужно,  
Простуженно и простодушно,  
Пусть ухо оттоптал медведь.

Когда заканчивалась песня,  
То следом – гомон-разговор  
И водка (с водкой интересней),  
Пельмени, холодец (известно –  
Закуска знатная, хоть тресни,  
Но лучше не найти с тех пор).

А что же дальше? Расходились,  
От водки кто, а кто домой.  
Ну а теперь, скажи на милость,  
От песен лучше становились  
Или какими в мир явились,  
Таковыми шли и на покой?

И то, и это бесполезно,  
Хоть жизнь пропой, хоть промолчи.  
Проходит этот день воскресный,  
И зауграмил люд окрестный,  
Да я и сам-то, если честно...  
Да где ж тот огонёк в ночи?

\*\*

Конечно, потом все уснули,  
Но это потом, а пока –  
Закат, свои плечи ссутулив,  
Похожим стал на старика.

Ни петь не хотелось, ни спорить,  
Тем более пить, или что?  
В полнеба огромное горе  
Горело бумажным листом.

Такие вот были загадки,  
И ночь наступала на нас  
Вся в силе, отнюдь не украдкой,  
Не пряча внимательных глаз.

Какая-то птица над нами  
В отчаянье крикнула в тьму.  
А что же мы сами? Мы сами –  
Ни сердцу уже, ни уму.

Уснули. Как были – уснули.  
Уснули. Проснулись. Ушли.  
А кто же стоял в карауле  
В тени всей огромной Земли?

\*\*

Маленький ослик взбирается в гору.  
Гора высокая, ослик мал.  
Наверх заберётся ещё он не скоро,  
Хоть он и ослик, но он устал.

Зачем ему в гору? Да вовсе не надо,  
Его туда заставляют идти.  
Меж снегопада и камнепада  
Сложны пути.

Он безвопросен и безответен,  
Он, может, и не согласен, но кто ж  
Вдруг заинтересуется этим?  
Вряд ли такого найдёшь.

Разные дива вокруг. Красиво.  
Но шоры у ослика на глазах.  
Нельзя пугаться ему обрыва,  
Упорность – имя его, не страх.

Доберётся – остановка и отдых,  
Но потом снова вниз, а потом снова вверх.  
Он нужен. Работников годных  
Давно на учёт взяли всех.

Давно положены им задачи,  
Рассчитаны и время их, и паёк.  
В них вложились и ждут отдачи.  
Какое начало, таков итог.

\*\*

Это всё так далеко отсюда,  
Что не стоит даже говорить.  
Я забуду. Всё я позабуду.  
Не смогу, увя, не позабыть.

Это невесомое сознание,  
Что оно запомнит обо мне,  
Если всё моё существование  
Только в нём и нет меня вовне?

Если мне рукою не коснуться,  
Если не увидеть никогда?  
Если всё же эти нити рвутся,  
Если рвутся нити. Навсегда.

Дальнее всё кажется недалгим,  
А недалгим уже совсем в дали.  
(Вспомнилось вот: «Гра-та-та печально  
Клином улетают журавли».)

Как-то так, но не ошибся я ли?  
Не было и нет там журавлей),  
И куда б ни шёл, я всё в начале,  
Всё стою у вечных пропилий.

\*\*

Ни стихи не пишутся, ни проза,  
В каждом слове опечаток куча.  
Всё ищу алмаз среди навоза,  
Мысль гоня, что не искать бы – лучше.

Как же этот труд неблагодарен,  
И порой не просто глуп, а вреден.  
И не то чтоб, скажем, был бездарен,  
Но Эвтерпе как-то незаметен.

Пальцы бьют по клавишам всё мимо,  
Рифму свежую найти, так легче злато.  
Позабытый, больше не любимый,  
Ставший серым козликком когда-то.

Всё хотелось, чтоб из слов сложилась  
Новая какая-то реальность.  
Остальное – всё пойдёт на силос,  
Может оттого так и печально?

\*\*

Я плавно засыпаю в ванной,  
Я не мешаю никому,  
С горячею водой из крана  
Я в сонную дрейфую тьму.

Закрит на время от событий  
В том мире, где лишь сон-вода,  
Я говорю: «Не говорите,  
Не говорите никогда».

И сколько раз вот так бывало,  
Что ясно всё, а не поймёшь,  
И ни конца нет, ни начала,  
В серёдке же лишь чушь и ложь.

И ведь не доказать хоть в малом,  
Не убедить хотя б кого.  
Я засыпаю. Стал усталым.  
Мне только засыпать легко.

И вот водой хотя б согретый  
И словно перейдя между,  
Из мира «здесь» в пространство «где-то»  
Не торопясь я ухожу.

\*\*

За той рекою небольшою,  
Потом по лугу за посадкой,  
Где небо полно вышиною  
И даже травы пахнут сладко.

Ещё не больше и не меньше,  
Как только середина лета.  
Давай же, грудью всей полнейше  
Дыши им средь тепла и света.

Такой вот рай и был, должно быть,  
В начале самого начала.  
Давай шагай, придётся топтать  
Ещё немало, ох немало.

А что за краем? Там смотреть-то  
Ещё и нечего, там пусто.  
Ты первый. Только ты и ветер.  
Но кто сказал, что это грустно?

Печаль и грусть, тоска и горе,  
Они не здесь, их нет пока что,  
А что с тобой случится вскоре,  
Поверь, всё это и не страшно.

\*\*

Да знаю я, что значит это,  
Да знаю, только что с того?  
Кто б принял моего совета –  
Таких пока ни одного.

И не похож я на пророка,  
Да и звучит смешно: «пророк».  
...Кассандру некогда жестоко  
Вот так же наказал их бог.

И стонут люди, что не знали,  
Кричат: «Я понял лишь сейчас».  
Так говорил же, но едва ли  
Хоть кто-то слушал хоть бы раз.

И я молчу, и я киваю,  
«Да, да, конечно», – говорю,  
От скуки я почти зеваю,  
И всё корю себя, корю.

\*\*

Вот так и приснится всё это:  
Вот луг с пожелтевшей травой,  
Вот речка с уже несогретой  
И ставшей прозрачной водой.

Вот лес вдалеке в ярких пятнах:  
То зелен, то жёлт, то багрян,  
Вот птицы стремятся обратно  
В одну из неблизких к нам стран.

Вот тонкая нить паутины  
Неспешно летит на меня,  
Вот в ветра объятьях осина  
Трепещет, листы оброня.

Вот небо, что низко ложится  
На эти равнины сейчас,  
Вот так это всё и приснится,  
Оставшись в душе про запас.

## ЗИМА

Ледяные они, снеговые –  
Холодные песни зимы.  
Они для умерших, но мы  
Живые.

Почто же мы слышим их,  
Зачем же те песни слушать?  
Завязать, что ли, шарф потуже  
Чтоб вой тот стих?

Всё равно не поможет. Это  
То, что вечно, что больше нас.  
На меня чей уставился глаз?  
А, фонарь и немножко света.

Ну а тем, замерзающим, тихо  
Засыпающим в смертном их сне –  
Колыбельной из детства нежней  
Тот напев, где ни страха, ни лиха.

И всё слышится им в вое том,  
В том шуршании мёртвого снега  
Шёпот близкий того человека  
Что остался для них только сном.

Он губами касается лба,  
Как они горячи, эти губы...  
Нам же слышатся дикие трубы,  
И вокруг лишь безумья гульба.

\*\*

Декабрьские ложатся тени  
На чуть порозовевший снег.  
Я ж, словно южное растение,  
Хочу в тепло. Где ж мой ковчег?

А ветер тянет всё и тянет,  
А мне ещё идти, идти...  
Придумал кто-то ж расстоянье,  
Все перепутья и пути.

А вот и солнце скрылось. Сразу  
Снег стал и сер, и нелюдим,  
Хоть три часа назад топазом  
Блистал – я любовался им.

Зима не знает про пощадку.  
Темнеет воздух. Ночь близка.  
Я твёрдо знаю, что мне надо,  
Но к цели всё иду пока.

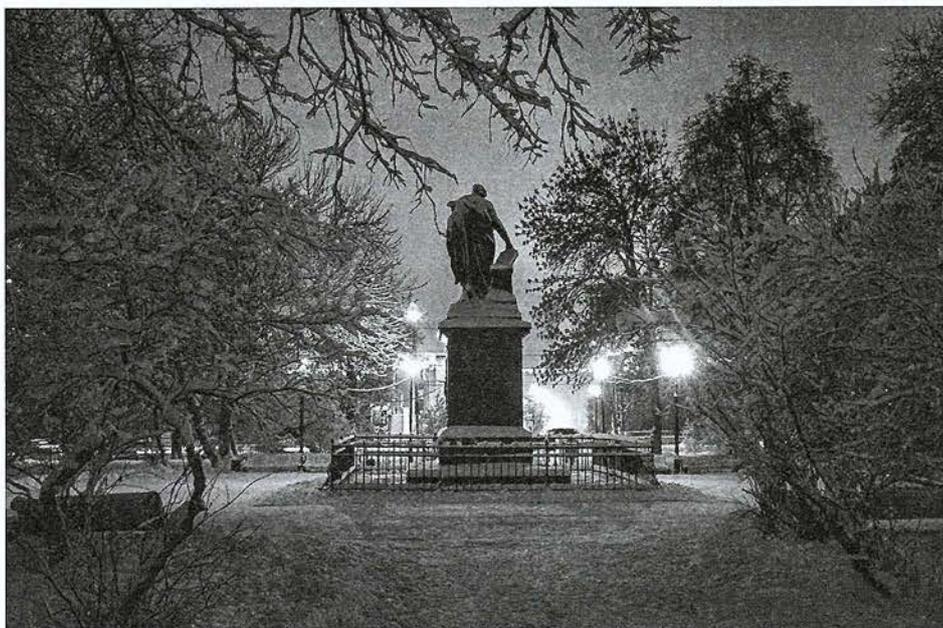


Фото Владимира Ламзина